

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ / PROBLEMS OF ONOMASTICS

Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие»)

Н. В. Васильева

Status game: a text-building tool involving proper names (based on Tatyana Tolstaya's short story *All sorts of Nonsense*)

N. V. Vasilyeva

Наталья Владимировна Васильева – доктор филологических наук; Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

Статья поступила: 15.03.2022. Принята к печати: 15.04.2022.

В статье анализируется текстообразующий прием, состоящий в замене обычных русских слов названиями немецких городов, которые имеют с этими словами разную степень фонетического сходства, но лишены каких-либо грамматических показателей. Тем самым текст рассказа становится полем для языковой игры с комическим эффектом, основанным на бисоциации – взаимодействии двух ментальных и языковых пространств, не имеющих между собой ничего общего. Немецкие топонимы, позиционируемые автором рассказа как «говорящие имена», а на самом деле являющиеся квазисловами, выполняют в тексте функцию, весьма далекую от функций настоящих говорящих имен, а именно функцию деавтоматизации восприятия текста. В статье квазислова классифицируются по степени их сходства с потенциальной русской словоформой, которую они заменяют. Отмечается также роль текстовых подсказок, к которым относится синтаксическая позиция и грамматические показатели рода, позволяющие адресату декодировать зашифрованную в форме иностранного топонима русскую лексему. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста использовать термин *акциденция онима* как особый фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах *деонимизация*, *апеллятивизация* и *антономасия*. Именно акциденции онима в тексте дают возможности для языковой игры и служат своеобразной «поэтизацией» дискурса.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, имя собственное, текстообразующий прием, онимическая игра, бисоциация, акциденция онима

УДК 81.42 + 808.1 + 81.373.2

Natalia V. Vasilyeva – Doctor of Philological Science; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8481-1438

Received: 15/03/2022. Accepted for publication: 15/04/2022.

The article offers a linguistic analysis of a text-building tool, which consists in replacing Russian words with the names of German cities, which have a varying degree of phonetic similarity with these words and don't have any grammatical markers. In this way, a comic effect arises, based on bisociation – the interaction of two mental and linguistic spaces which have nothing in common. The German toponyms which are positioned by the author of the story as “speaking names”, but are actually quasi-words, perform a function in the text that is very far from the functions of speaking names: such quasi-words de-automatize the perception of the text. In the paper, quasi-words are classified according to their similarity to the potential Russian word-form they replace. The analysis highlights the role of textual hints which include syntactic position and grammatical markers of gender, allowing the addressee to decode the Russian word-form encoded in the form of a foreign toponym. The issue “proper name in lieu of a common noun” in text has not yet been unambiguously solved in onomastics. Therefore, we propose to use the term *onym accidentia* to denote the drifting referential status of a proper name in the text space. *Onym accidentia* refers to the special phantom status of a proper name in the text, which cannot be described in the traditional onomastic terms of *deonymization*, *appellativization*, or *antonomasia*. It is the *onym accidentia* in the text that provides great opportunities for linguistic games and serves as a kind of “poetization” of the discourse.

Keywords: Tatyana Tolstaya, proper name, text-building tool, onymic game, bisociation, *onym accidentia*

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Пара «имя собственное – имя нарицательное» представляет собой оппозицию только в метаязыковом употреблении, например, в словарях лингвистических терминов. В живой речи и в тексте картина бывает иной: нередко случаи, когда лексическая единица не поддается точной атрибуции в качестве *nomen proprium* или *nomen appellativum*. Такое положение дел заставляет задуматься о механизмах взаимодействия двух статусов имени в тексте – проприального и апеллативного: достаточно ли описывать их в терминах приобретения одного статуса и потери другого, как это принято в ономастике (ср. *онимизация vs. деонимизация, апеллативизация vs. деапеллативизация*) или же возможны другие рабочие понятия, позволяющие более детально представить эти процессы. Как это часто бывает, полезный материал для лингвистических размышлений предоставляет художественный текст, особенно такой, который содержит элементы языковой игры.

История вопроса. Хорошо известно, что имена собственные (ИС) являются богатным материалом для реализации категории комического в языке, ср. [Санников, 1999, с. 175-178]. Ономастическая (онимическая) игра выделяется филологами в особый вид языковой игры [Földes, 1996], [Гридина, 2011]. В задачи статьи не входит анализ различных видов языковой игры. Отметим только, что одним из распространенных способов классификации, принятым, в частности, в психолингвистике, является классификация по уровням языка, которые затрагивает языковая игра (фонетический, морфологический, синтаксический) [Горелов, Седов, 2001, с. 180-181]. Одним из условий, обеспечивающих игровой потенциал ИС, является наличие у онима внутренней формы, сходной с апеллативом. Такой апеллатив, лежащий в основе ИС, некоторые исследователи называют *слово-прототипом* [Санников, 1999, с. 175]. Комический эффект достигается посредством «перехода» семантики слова-прототипа во внутреннюю форму ИС, что обыгрывается, например, в говорящих фамилиях (вспомним персонажей «Недоросля» Д. И. Фонвизина: *Милон, Правдин, Скотинин, Вральман*). Кроме того, определенные разряды ИС имеют характерные форманты, по которым лексическая единица идентифицируется как элемент данного разряда, например, как фамилия. Это позволяет вести языковую игру «в обратном направлении», т.е. от апеллатива к ИС, и ради комического эффекта придумывать для обозначения обычных предметов, состояний и действий т.н. квазионимы (ср. купить *вермутидзе*, бутылка *готовчук*, твою майку пора *выкинштейн*) [Васильева, 2021, с. 189]. Иногда в разговорной речи квазионимически обыгрываются стандартные речевые формулы, ср. нем. неформальное выражение для прощания *tschüssikowski* (с формантом славянских фамилий *-owski*) вместо также неформального *tschüs* 'пока!'. Комический эффект может быть усилен приемом каталогизации, т.е. созданием списков. В качестве примера можно привести игровой список фамилий представителей разных национальностей, отмеченный балансированием на грани литературного языка [Фролова, 2007, с. 251]. Несколько реже встречаются варианты, когда комический эффект возникает от целого текста, построенного на игре с ономастическим и

апеллятивным статусом входящих в него элементов. В этом случае возможно говорить о текстообразующей функции данного приема, что будем нами далее показано.

Хорошо известен – в разных вариантах – так называемый «композиторский» текст, ср.: *Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной и запил Чайковским. Но тут мне стало Паганини <...>. «Композиторских» текстов в Интернете очень много. Весьма колоритные тексты можно найти, например, на сайтах https://coollingua.blogspot.com/2011/07/blog-post_18.html и <https://stihi.ru/2020/04/01/2182>. Варианты содержат много повторов. В качестве нестандартных отметим следующие сочетания: промок до *Шнитке*; во рту ни *Россини*; сел в *Крейслер*-качалку; чуть не получил *Пуленк* в *Голованова*; на кой *Лядов*. Понимание текста поддерживается в данном случае внутренней формой онимов, «прочитываемых» как имена нарицательные. Склоняемые фамилии имитируют имена существительные с предметным значением; несклоняемая фамилия выступает в этом тексте в предикативной функции. Можно ли считать, что имена собственные переосмысляются как нарицательные с оживлением внутренней формы? Такого мнения придерживается В.З. Санников и приводит в качестве примера еще один текст, который в 60-х гг. прошлого века был размещен в стенгазете «Русист» Института русского языка (в то время АН СССР, в настоящее время РАН) и включал в себя фамилии многих лингвистов-русистов. Вот этот текст (весь курсив источника. – Н.В. Автор предупреждает читателя о неизбежной «отсебятине», естественно возникшей в этом тексте «за давностью лет» [Санников, 1999, с. 178]. Фольклор есть фольклор, в какой бы среде он ни возникал):*

– *Что-то ты сегодня такой не-Веселитский? Или Кручинина заела?*

– *Да вот, совсем я стал Голышенко. Беден как монастырский Крысин. А ведь такой был Добродомов, Панов Пановым, Баринев Бариневым!*

– *Эх, Касаткин! Плюнь ты на Морозову и, как Филин закричит, надень Белошапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева и – Ходыкину, Ходакову, Ходорович! До самой Китайгородской! Там, говорят, все Богатовы: Соболевых тьма-тьмушая, а Серебренникова и Золотову Лопатиным гребут!*

– *Да, неплохо бы... Только вот не снесли бы Гловинскую Булатовой!* [Санников 1999: 178].

Переосмысление имен собственных как нарицательных обычно называется *деонимизацией*, и при полной деонимизации оним теряет свой статус и превращается в имя нарицательное (ср. *кольт*, *боливар*, *дизель* и пр.). К деонимизации близок прием *антономасии*, когда ИС используется метафорически для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя имени, ср. *Не хватает сейчас Дон Кихотов, замещают их Росинанты* (А. Вознесенский).

Думается, что приведенные примеры – и текст «про композиторов», и текст из газеты «Русист» – демонстрируют явление не потери, а **травестии** проприального статуса, поскольку формально имена остаются именами – в письменном тексте они

не теряют прописной буквы. Фамилии композиторов, принадлежа к тематическому полю музыки, из-за эффекта «списочности» (неймдроппинга) так там и остаются. В своем тематическом поле остаются во втором примере и имена лингвистов, обеспечивая адресата текста двойной оптикой – условием любого каламбура/шутки.

Методология и методика исследования. В основу метода исследования (точнее, способа рассмотрения единиц в тексте, а также анализа авторского замысла и его исполнения) положено понятие б и с о ц и а ц и и . Термин возник за пределами лингвистики, его автором считается британский писатель Артур Кёстлер [Koestler, 1964]. Кёстлер создал этот термин как бленд (т.н. «слово-чемодан», portmanteau-word), объединив компоненты *би-* ‘два’ и часть слова (ac)социация. Термин с такой прозрачной внутренней формой используется для ситуации, когда новый смысл (новая идея) возникает в результате пересечения не связанных между собой ментальных пространств [Губенко, 2018, с. 95]. В настоящее время понятие бисоциации, а также бисоциативного мышления, бисоциирования активно используется в исследованиях, посвященных техникам креативности (creativity techniques, Kreativitätstechniken), под которыми понимаются методические приемы и подходы, служащие для стимулирования и улучшения процессов генерации идей [Freitag, 2018, s. 171-172], [Губенко, 2018, с. 52 сл.]. Однако бисоциация представляет собой условие не только для креативного генерирования идей, но и для языковой креативности – как источник комического, поскольку в языковой игре, в каламбуре, в шутке происходит столкновение двух миров (языковых и/или ментальных пространств), изначально не имеющих между собой ничего общего. Об эффекте комического двоемирия пишет Т.Б. Радбиль, относя его к сфере прагматики, поскольку этот эффект возникает в воспринимающем сознании [Радбиль, 2017, с. 190].

Анализ материала. Именно такой пример находим в рассказе Татьяны Толстой «Глупости всякие» [Толстая, 2015, с. 286-288]. Рассказ состоит из двух частей, первая из которых содержит некоторую экспозицию, раскрывающую интенцию текста (это важно). Вторая часть представляет собой сам рассказ. Курсивные выделения авторские, о чем автор в первой части сам и сообщает. Приводим этот текст полностью.

Глупости всякие

Вот люди любят собирать говорящие фамилии; я тоже это очень люблю. Фехтовальщик *Кровопусков*, повар *Пригорелых*, начальник военкомата *Забирохин*, врач скорой помощи Антон *Лепило* и многие чудесные другие. Но не менее прекрасны названия городов и сел, особенно иностранные. В прошлом году, намереваясь съездить в Баден-Баден (куда ж еще деваться писателю), я изучала карту Германии и обрадовалась большому количеству говорящих имен. Выписала их себе в столбик. Смотрю – слова сами складываются в рассказик, нравоучительный такой. Названия городов выделены курсивом. Тема – вечная.

Один господин встретил *Дамме* и был *Раден: Ах, Ухте* и так далее. Вскоре они поженились, и он был к ней *Добриц*. Жили сначала хорошо: разводили *Цапель*, во дворе у них жил маленький *Пёснекк*, в хлеву – *Овен*.

Но шло *Времен*, жена часто *Родах*, и появились *Деттинген* (целых *Восмер*, и все девочки) с обычными проблемами – то *Моккрена*, то *Какаэль*, то *Горлозен*, а иной раз и *Гнойен*. Тяжело стало жене жить: целый день приходилось ей *Подельциг* – с утра на *Торгау*, а потом целыми днями *Варен*: ели *Раков*, или *Устер*, или *Хек*. Иной раз некогда было *Гребенау* в руки взять: не *Даме*, а домашний *Раб*. Голова *Гудов*, дети *Дерзеков*, а дома завелись *Мольшлебен*, *Мух* и *Клоппенбург*, и это всех *Мучен*.

Вскоре *Паппенхайн* стал раздражаться, что дома такой *Бабенхаузен*, начал ходить в *Бар*, налегать на *Бухлоэ*, стал *Кривиц* и *Грубе*. Жена *Требель* денег, а он не *Даден*, так что она часто *Ревен*, и от слез у нее распухла *Харен*. Муж стал *Хамм*, *Гадебуш* и *Бад-Кольгруб*. *Редичке* он ее теперь *Гладбекк* – видно, *Люббов* прошла.

«*Эхинген*, – часто думала жена, – за что мне такой *Лихен*? Заведу-ка я легкий *Флирш*, наставлю мужу *Рогец*». Как задумала – так и сделала, ударилась в *Блуденц*, стала *Шлюхтерн*, забыла всякий *Острах*. Жизнь ее стала *Клеве*: раньше-то одевалась в *Марль*, а теперь каждый *Любц* дарил ей *Золотурн*, или драгоценный *Камен*, а один *Любарс* купил ей новенький *Мёрс*.

Но тут-то и поджидал ее *Гибельштадт*. Муж увидел подарки, и все ему стало *Ясниц*. Не мог он потерпеть такой *Вреден*: каждый *Мудау* может безнаказанно *Пюхау* его жену, каждый может ее *Бахарах*, а то и *Руппихтерот*! А соседи за спиной *Айхах* и *Хахенбург* над ним, над мужем. Эта мысль причиняла ему *Болльштедт*. Сначала у него была простая *Целль*: нарвать *Вербен* и хорошенько задать ей *Плеттенберг*, да вышло иначе. Как-то вернулся он в свой *Узедом*, заглянул в одну из *Кемнат*, а там – *Ах-Линц*! Очередной *Берен-Любхин* на его собственной кровати *Прирос* к его жене! *Туттлинген* вышла неловкая *Пауза*.

– *Даргун!* – вскричала жена. – *Вер* мне! – Но было поздно. Муж выхватил пистолет, – *Пфраймд!* – и его соперник превратился в хладный *Охтруп*, – даже *Пульсниц* не протупывался. Увидев, что тот *Уммерштадт*, жена в испуге спряталась *Затруп*. Но и ей пришла *Гибельрот*.

Люденшайд, будьте *Верне* своим супругам!

Сравнение с предыдущими примерами текстов «про композиторов» и «про лингвистов» демонстрирует большую изобретательность Татьяны Толстой. В качестве травестийного материала в этом тексте выступают иноязычные (немецкие) топонимы, собранные с помощью карты достаточно крупного масштаба: это названия небольших городов и коммун, которые вряд ли хорошо известны обычным носителям русского языка. Обратимся к характеристикам текста. Как было отмечено выше, весь рассказ состоит из короткого авторского введения, содержащего «историю вопроса»: объяснение того, как и почему автором был написан следующий «рассказик». Сам «рассказик» имеет объем 1838 знаков и состоит из 362 слов, из которых 88 – те самые «говорящие» топонимы. Прежде чем направить внимание на эти слова, отметим еще один прием, использованный Т. Толстой в самом начале. Это прием-парадокс, задающий перспективу восприятия следующего далее текста с помощью лукавой фразы о «говорящих именах». Любой читатель согласится, что *Кровопусков* – говорящая фамилия. Однако «говорящей» она становится в сочетании со словом-идентификатором *фехтовальщик*. Что такое «говорящие имена» на карте Германии, кому и что они говорят? Не заключается ли в приписывании эти именам свойства «говорить» некий авторский художественный подвох? Рассмотрим, какую

они выполняют функцию в тексте и каким образом достигается бисоциативный эффект.

На наш взгляд, это функция деавтоматизации восприятия. Выстроенный по всем правилам нарративной логики, цельный и завершённый текст лишается автоматизма восприятия из-за 88 вставных ксенономинаций. Являясь для данного текста своеобразными инкрустациями, эти номинации занимают в нем разные синтаксические позиции. Будучи в языке-источнике нормальными словами, в русском тексте они приобретают статус квазислов (т.е. придуманных, «ненастоящих» слов, ср. [Ткаченко, 2009]); их «похожесть» на русские словоформы, включая глагольные, весьма своеобразна. Для рассматриваемого текста можно выделить несколько типов топонимов-квазислов по степени их сходства с потенциальной русской словоформой, которую они заменяют.

1) Полное совпадение немецкого топонима и русской словоформы: домашний *Раб*, разводили *Цапель*, ели *Раков*, в хлеву жил *Овен*, ходить в *Бар*, муж стал *Хамм*, *Прирос* к его жене, неловкая *Пауза*, простая *Целль*. Важно отметить, что Т. Толстая абсолютна честна в формах топонимов, все 88 номинаций действительно представлены в немецкой топонимике (проверенный факт!), что придает словесной игре в рассказе флёр истинности. Например, для перечисленной группы слов это будут такие немецкие топонимы-прототипы: *Raab, Zapel, Rakow, Owen, Vaar, Hamt, Prieros, Pausa, Zell*.

2) Почти полное фонетическое совпадение немецкого топонима и русского слова: шло *Времен*, маленький *Пёснекк*, голова *Гудов*, распухла *Харен*, *Люббов* прошла, легкий *Флирш*, наставить *Рогец*, налегать на *Бухлоэ*, одевалась в *Марль*, драгоценный *Камен*, нарвать *Вербен*, заглянул в одну из *Кемнат*, *Вер* мне, будьте *Верне*. Из перечисленных топонимов самым ярким представителем является, пожалуй, *Бухлоэ*. Поэтому стоит, очевидно, привести этимологию этого немецкого топонима, паронимически (и иронически) совпавшего с русским разговорным словом. Согласно справочному изданию Д. Бергера, топоним *Buchloe*, впервые засвидетельствованный в 1153/1162, представляет собой сложение из двн. *buohna* 'бук' и *lōh* 'кусты, лес, древесина', т.е. этимологически означает 'среди буковых деревьев', 'в буковой роще' [Berger, 1993, s. 67].

3) Аллюзию к русскому слову содержит фрагмент немецкого топонима. Ср. появились *Деттинген* (дети), *Мольшлебен* (моль), *Клоппенбург* (клопы), *Паппенхайм* (папа), ее поджидал *Гибельштадт* (гибель), мысль причиняла ему *Болльштедт* (боль), вернулся в свой *Узедом* (дом), *Туттлинген* (тут), задать *Плеттенберг* (плеть), *Уммерштадт* (умер), пришла *Гибельрот* (гибель), *Люденшайд* (люди). Этот прием «лишней» длины слова стилистически напоминает амплификацию, фигуру прибавления. Амплификация затрудняет восприятие текста, но не лишает адресата возможности это текст понять. Отметим, что аллюзивную роль здесь выполняет начало слова (*Мольшлебен*, *Уммерштадт*, *Гадебуш*, *Гладбекк* и пр.), что объяснимо ролью инициальности как сильной позиции при восприятии текста. Меньше аллюзий в виде финалей (*Бад-Кольгруб*, *Узедом*, *Охтруп*).

Таким образом, для понимания текста рассказа Т. Толстой адресату приходится предпринимать больше ментальных усилий, чем при восприятии текста «про композиторов». Это связано с двумя причинами, каждая из которых основана на феномене узнавания. Во-первых, непросто узнать (опознать, распознать) немецкие топонимы в силу их невхождения в герграфический тезаурус простого русского человека, который и с названиями гораздо более крупных иностранных городов не очень дружит. Для неспециалиста это агнонимы. Во-вторых, эти агнонимы, т.е. уже сами по себе «трудные слова», оказываются в тексте еще и лишенными грамматических показателей; кроме нескольких случайных «попаданий» в грамматическую форму, они остаются в тексте чужими вставками. Выше обсуждались такие фонетические совпадения. Однако в структуре текста, кроме фонетических, можно обнаружить и некоторые другие подсказки для узнавания скрытого слова.

1) По синтаксической позиции, т.е. по месту члена предложения в структурной схеме предложения. Таким способом в качестве грамматических предикатов распознаются следующие номинации: был *Раден*; жена часто *Родах*; голова *Гудов*, дети *Дерзеков*; это всех *Мучен*; жена *Требель* денег, а он не *Даден*, так что она часто *Ревен*; увидев, что тот *Уммерштадт*.

2) В качестве подсказки используется грамматический показатель рода: шло (ср.р.) *Времен*; маленький (м.р.) *Пёснекк*: ей пришла (ж.р.) *Гибельрот*. Интересно, однако, что *Гибельштадт* в аналогичном смысле (Но тут-то и поджидал ее *Гибельштадт*) предстает как слово мужского рода. По-видимому, трудно переступить через мужской род существующих в русском языке названий с топоформантом *-штадт*.

3) Подсказка в виде звуковых фрагментов (фонестем), связанных с передачей определенных смыслов. Например, фонестема ХА для ситуации смеха, ср. Соседи за спиной *Айхах* и *Хахенбург* над ним; ЛЮБ для обозначения любовных отношений: *Люббов* прошла; каждый *Любц*; один *Любарс*; Очередной *Берен-Любхин*.

4) Декодировать скрытую словоформу помогает группировка квазислов в синкретические блоки, или микрофреймы. Например, фрейм «детские проблемы»: то *Моккрена*, то *Какаэль*, то *Горлозен*, а иной раз и *Гнойен*; фрейм «плохие насекомые»: дома завелись *Мольшлебен*, *Мух* и *Клоппенбург*; фрейм «плохие качества»: Муж стал *Хамм*, *Гадебуш* и *Бад-Кольгруб*.

Заключение. Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям, которые касались характеристик рассмотренного текста и роли в нем ИС. Самой общей характеристикой будет признание аномативности этого текста. Аномативный текст, или к в а з и т е к с т (о других терминах-синонимах см. обзор [Попова, 2012]), может возникать стихийно и сознательно. Сознательно аномативный текст может создаваться либо для дидактических и научных целей (вспомним *Глокую куздру* Л.В. Щербы) либо с целью игры и получения от нее удовольствия. В тексте Татьяны Толстой реализуются последние из перечисленных целей. Игра основана на бисоциативной технике возникновения комического эффекта, связанной с одновременной актуализацией двух ментальных и языковых пространств. В данном случае это пространство нарратива и пространство ксенотопонимов, замещающих в нарративном пространстве обычные слова. Проприальный статус немецких

топонимов претерпевает изменение, которое можно назвать **травестией**, поскольку это не утрата свойства «быть собственным именем», т. е. не деонимизация, а лишь маскировка, «переодевание» в апеллатив. В качестве обратного «переодевания» можно указать на квазионим, употребляемые в качестве шифра для нарицательных слов в фольклорных текстах, ср. *Петан Петанович* как обозначение петуха [Березович, Бондаренко, 2013, с. 127].

Известная фраза Л.В. Щербы была упомянута здесь неслучайно. Текст Татьяны Толстой – это своего рода «антикуздра»: фраза *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка* состоит из словоформ, которые являются носителями грамматического значения; при всей бессмысленности корней грамматически это текст на русском языке. Именно поэтому подобные квазитексты используются психологами для тестирования уровня языковой компетенции и для коррекции языкового развития [Чернов, 2017]. В тексте Толстой квазислова никак не встроены в русскую грамматику, понимание адресатом текста происходит «над грамматикой», в основном с помощью фонетического сходства слов и общего направления наррации.

Завершая статью, вернемся к ее началу. Как было сказано, пара «имя собственное – имя нарицательное» не всегда представляет собой оппозицию. В дискурсе и в тексте взаимодействие двух статусов номинативной единицы – проприального и апеллативного – может происходить не как потеря и приобретение, а как опустошение свойств и травестия качества. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста представляется подходящим термин *акциденция онима* [Васильева, 2018]. Акциденции онима – это особый фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах *деонимизация*, *апеллативизация* и *автономасия*. Именно акциденции онима в тексте дают большие возможности для языковой игры и служат своеобразной «поэтизацией» дискурса.

Литература

Березович, Е. Л., & Бондаренко, Е. Д. (2013). «Лексические недоразумения» в сюжете фольклорного текста. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 4 (120), 113–131.

Васильева, Н. В. (2018). Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста. *Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова*, 27, 40-43.

Васильева Н. В. (2021). *Собственное имя в мире текста*. Изд. 3. М.: ЛЕНАНД.

Горелов, И. Н., & Седов, К. Ф. (2001). *Основы психолингвистики*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Лабиринт».

Гридина, Т. А. (2011). Этносоциокультурный контекст ономастической игры. *Политическая лингвистика*, 1, 219–223.

Губенко, А. В. (2018). *Психологические проблемы творческой деятельности* (интегративный подход). Киев: Издательство «Педагогична думка».

Попова, Т. В. (2012). Девиантный текст: к проблеме определения. *Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура* (pp. 21–28). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ.

Радбиль, Т. Б. (2017). *Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры.

Санников, В. З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки русской культуры.

Ткаченко, Н. М. (2009). Стратегии идентификации псевдослова. *Языковое бытие человека и этноса*, 15, 176–178.

Толстая, Т. (2015). Глупости всякие. In Т. Толстая. *Легкие миры* (с. 286–288). М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной.

Фролова, О. Е. (2007). *Мир, стоящий за текстом*. М.: Издательство ЛКИ.

Чернов, Д. Н. (2017). Квазиязык как инструмент изучения языковой компетенции школьников. *Международный научно-исследовательский журнал*, 1–3 (55), 139–140.

Berger, D. (1993). *Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. 2. Auflage. Mannheim e.a.: Dudenverlag.

Földes, C. (1996). Namensspiele, Spiele mit Namen. In E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Eds.), *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres*. Ein internationales Handbuch zur Onomastik (pp. 586-593). Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Freitag, E. (2018). *Lexikon der Kreativität: Grundlagen – Methoden – Begriffe*. Tübingen: Expert Verlag.

Koestler, A. (1964). *The Act of Creation*. London: Hutchinson.

References

Berezovich, E. L., & Bondarenko, E. D. (2013). “Lexical misunderstandings” in the plot of a folklore text. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4 (120), 113–131. (In Russian).

Berger, D. (1993). *Duden. Geographische Namen in Deutschland. Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. 2. Auflage. Mannheim e.a.: Dudenverlag.

Chernov, D. N. (2017). Quasi-language as a tool for studying the language competence of schoolchildren. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 1–3 (55), 139–140. (In Russian).

Földes, C. (1996). Namensspiele, Spiele mit Namen. In E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Eds.), *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik* (pp. 586-593). Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Freitag, E. (2018). *Lexikon der Kreativität: Grundlagen – Methoden – Begriffe*. Tübingen: Expert Verlag.

Frolova, O. E. (2007). *The World Behind the Text*. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

Gorelov, I. N., & Sedov, K. F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Labirint Publ. (In Russian).

Gridina, T. A. (2011). Ethno-Sociocultural Context of Onomastic Game. *Politicheskaia lingvistika*, 1, 219–223. (In Russian).

Gubenko, A. V. (2018). *Psychological problems of creative activity (integrative approach)*. Kiev: Pedagogichna dumka Publ. (In Russian).

Koestler, A. (1964). *The Act of Creation*. London: Hutchinson.

Popova, T. V. (2012). Deviant text: to the problem of definition. *Sovremennye kommunikatsii: Iazyk. Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura* (pp. 21–28). Ekaterinburg. (In Russian).

Radbil', T. B. (2017). *Language and the world: Paradoxes of mutual reflection*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian).

Sannikov, V. Z. (1999). *Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).

Tkachenko, N. M. (2009). Strategies of pseudoword identification. *Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa*, 15, 176-178. (In Russian).

Tolstaya, T. (2015). All Sorts of Nonsense. In T. Tolstaya. *Legkie miry* (pp. 286–288). Moscow: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ. (In Russian).

Vasilyeva, N. V. (2018). Accidentia of onym: Towards the extension of text-onomastics terminology. *Uchenye zapiski VGU im. P.M. Masherova*, 27, 40-43. (In Russian).

Vasilyeva, N. V. (2021). *Proper name in the world of text*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Васильева, Н. В. (2022). Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие»). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(3), 8–17. DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-8-17

For citation:

Vasilyeva, N.V. (2022). Status game: a text-building tool involving proper names (based on Tatyana Tolstaya's short story All sorts of Nonsense). *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(3), 8–17. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2022-1(3)-8-17